

В. П. Булдаков

Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг.

Представление о непосредственной связи русской революции с мировой войной стало общим местом в современной историографии. Однако обычно эта связь трактуется в рамках упрощенных причинно-следственных зависимостей. Соответственно наиболее исследованными оказываются рабочее движение¹ и аграрные выступления², с которыми связываются прочие протестные акции. Даже в работах авторов, стремящихся к системному переосмыслению развертывания российского кризиса³, остается в тени феномен спонтанного городского бунта — этого неперемногого спутника подспудно накапливающегося «обывательского» недовольства.

1905 г. приучил власть опасаться забастовок рабочих и «аграрных беспорядков». Между тем само по себе перемещение наиболее активной части мужского населения в армию не могло не привести к их затуханию. Однако в современной литературе этот феномен стал связываться преимущественно с «патриотическим подъемом», а появление «непредсказуемых» форм массового недовольства всё еще не получило адекватного описания. При этом стали некритически

¹ См.: *Меницкий И.* Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914–1917). М., 1923. С. 119, 124, 128; *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). М., 2005.

² См.: *Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н.* Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Новосибирск, 1987; *Поршнева О.С.* Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник. М., 2000.

³ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russian Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (MA), 2002.

восприниматься излишне эмоциональные представления 1914 г., в результате чего война, считавшаяся некогда империалистической, вновь стала именоваться отечественной⁴.

Так называемое «настроение 1914 г.»⁵ в значительной степени — особенно в России — оказалось связано с шовинистической перверсией привычных форм общественного недовольства. Если так, то исходя из возможности системного поражения российского социально-экономического организма, следовало допустить, что последующие бунтарские акции в городах имели куда более расплывчатую, чем прежде, социальную базу. Разумеется, явления такого порядка перестают вписываться в сложившиеся констелляции линейных зависимостей. Так или иначе, следует исходить из более сложных, нежели ранее, представлений о синергетической природе революционного бунтарства в России, обусловленного, с одной стороны, социетальной архаикой, с другой — тотальным характером исторического вызова, с которым столкнулось «недоумевающее» население, быстро растерявшее привычные стабилизирующие ориентиры.

Для понимания внутренней природы бунтарства военных лет, а равно и последующей революции требуются источники, позволяющие воссоздать своего рода голографическую картину событий. Обычно это документы личного происхождения. Будучи собраны в «критическую массу», они позволяют показать противоречивость рецепции «разрушенной картины мира» современниками. В данном случае отдается предпочтение сохранившемуся массиву перлюстрированной переписки военных лет (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265). Дело в том, что предреволюционное российское общество просвечивалось насквозь: под постоянным наблюдением оказывались не только революционеры и оппозиционеры, но и представители творческих элит и управленческих верхов. Для историка это открывает уникальную возможность оценки агрегированных представлений людей тех лет во всем их психологическом многообразии.

***

Вспышка этнофобского «патриотизма» летом 1914 г. наблюдалась во всех воюющих странах. Под влиянием прессы, взхлеб сообщавшей о насилиях в Германии над русскими туристами, вечером 22 июля в столице большая толпа с царским портретом двинулась к уже опустевшему немецкому посольству. Погромщики не только выбрасывали кипы бумаг и мебель из здания, но и сорвали с его фасада герб и закинули его в Мойку, после чего взобрались на крышу

⁴ См.: Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М., 2011. С. 9, 10, 36, 40.

⁵ См.: Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006; Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Поршнева О.С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2.

и сбросили две конные статуи. Толпу пришлось разгонять с помощью пожарных брандспойтов⁶. «Больше нет фигур на крыше посольства, окна выбиты и чернеют, мебель, картины, белье выкинуто и сожжено, флаг и герб разодраны, портрет Вильгельма сожжен, хрусталь и посуда побиты — бесконечное варварство», — комментировал случившееся искусствовед Н. Н. Пунин⁷.

Но обнаружился и иной взгляд на событие. После полуночи группа из 200–300 погромщиков, некоторые «навеселе», смиренно явилась в редакцию самого «антинемецкого» органа — «Новое время» — и принесла «трофеи» — портреты царя и царицы, захваченные в посольстве. В. В. Розанову, вышедшему к погромщикам, стало «грустно и прямо страшно» за этих «прекрасных людей», которые ощущали себя «Миниными и Пожарскими». Популярный автор, несколько позднее названный Н. А. Бердяевым носителем «вечно бабьего в русской душе»⁸, вообразил, что громилы — это и есть «народ», который «не может вести себя как общество; народ чувствует всё непосредственное, живее, горячее; он прямее нас и лучше нас». Случившееся показалось ему началом «великой расовой и культурной борьбы» славянства с германизмом⁹.

В критические моменты в граждански недоразвитых обществах обычно разворачивается поиск, а затем следует «племенная» бестиаризация «главного» врага. На его происки можно списать всё что угодно и одновременно ощутить восторг самовозвышения. Так было не только в России, где «патриотические» порывы несколько запоздали сравнительно с западноевропейскими: люди известного пошиба словно ожидали сигнала сверху. При этом к ненависти по отношению к новообретенному врагу подключилось «отложенное» социальное недовольство.

Столичный погром был лишь началом антинемецкой истерии. В значительной степени она создавалась искусственно и не только прессой. В октябре 1914 г. в Москве на собрании купеческого общества было решено расследовать деятельность австрийских и германских фирм. Распространялись соответствующие слухи. И вновь последовал «патриотический» погром, вызвавший «розановский» тип сочувствия. И только после того, как дело дошло до уголовщины, полицейские арестовали 21 погромщика, обнаружив среди них людей, замеченных ранее в попытках грабежа¹⁰.

У многих москвичей погром вызвал шок. Так, один из них писал в Петроград: «Ужасно обидно, что Москва осрамилась; горсть каких-то мерзавцев разгромила магазины “немецких подданных” — не забыв, конечно, и свои карманы». Он отметил, что наряду с «немецкими» магазинами пострадали

⁶ См.: *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 13–14; *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526.

⁷ *Пунин Н.Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 62.

⁸ *Бердяев Н.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 38.

⁹ См.: *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 8, 13, 15, 31–32.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59. Л. 331 об. — 334, 330.

и французские, и русские. Поскольку одновременно проходила студенческая манифестация, распространился слух, что ее участники приняли участие в погроме. Мнения о произошедшем разделились: одни считали, что погром устроила «зеленая молодежь», которую надо воспитывать, «а не осуждать», другие возмущались студентами, высказывая сомнения «в искренности их порывов». Обвиняли также полицию, «которая допустила разгореться страстям и не приняла никаких мер к пресечению такого безобразия». Вместе с тем было подмечено наличие сочувствующих среди интеллигенции. Появились и заявления о том, что «подлый градоначальник сейчас же выступил с угрозами против негодующих русских людей»¹¹.

Спектр представлений и мнений «очевидцев» оказался широк. «Всё было сломано, но ни одной вещи не было украдено, — уверял один москвич. — В одном разгромленном немецком магазине... нашли бомбы, револьверы и каски прусские»¹². Еще более «оригинальная» версия содержалась в письме из армии. «Наверно, всё это дело рук наших революционеров-жидов, действовавших на немецкие деньги...», — возмущался служащий госпиталя¹³. Некоторым ситуация напоминала 1905 г. Писали также о пробуждении «простого хулиганства» и «дикости, которая проникает в интеллигенцию»¹⁴.

Со временем обнаружались и другие непривычные явления. 25 января 1915 г. в Москве в университетской столовой с примечательным названием «Трезвая Татьяна» состоялась вечеринка, после которой толпа в 300–400 человек двинулась по улицам с пением «русской революционной марсельезы и “Вихри враждебные веют над нами”». У памятника Пушкину студенты пропели «вечную память» ему и Толстому. Тут же помянули градоначальника и с криками «долой Адрианова» двинулись по Тверскому бульвару. Шествие продолжалось до 4–5 ночи, встречные присоединялись к нему, «произносились очень и очень горячие революционные речи, покрываемые ураганами аплодисментов». Полиция делала вид, что ничего не видит и не слышит, а газеты удовлетворенно сообщали, что русское студенчество умеет веселиться и без спиртных напитков¹⁵.

Под влиянием германофобии происходила переориентация бытового протеста на «немецкие происки». Этому способствовал стремительный рост дороговизны. Столичный городской голова в феврале 1915 г. предупреждал, что «не исключена опасность голодного бунта»¹⁶. То же самое было в первопрестольной. «Всё страшно дорого... — отмечал Л. А. Тихомиров 18 марта 1915 г. — У нас создается внутренней блокадой то, что в Германии внешней, и может быть, мы

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1667, 1629, 1621, 1624, 1631.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 45.

¹³ Там же. Л. 68.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1652.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 74.

¹⁶ Толстой И.И. Указ. соч. С. 609.

себя заморим успешнее, чем Германию»¹⁷. Разумеется, больше всего впечатлял неизвестный ранее дефицит. «У нас все умы остолбенели из-за [нехватки] дров, муки и сахару», — писала А. В. Тыркова из Петрограда в Москву М. О. Гершензону¹⁸. Всякое неординарное событие подогревало страсти. «...Говорят, вчера у Преображенской заставы было побоище из-за дороговизны, вмешалась полиция и Модлю (злословили, что этот жандармский полковник сменил фамилию на Марков) проломили голову», — записывал в дневнике историк А. В. Орешников в апреле 1915 г.¹⁹

Особенностью развития событий стала их «непредсказуемость». Но на всё сразу же появлялось «резонное» объяснение.

***

Печально знаменитый московский немецкий погром случился в атмосфере всеобщего разочарования, вызванного отступлением русских армий от Перемышля. О его подготовке заговорили еще 16 мая²⁰. Не исключено, что провокационную роль сыграло особое рвение генерал-губернатора Ф. Ф. Юсупова по части высылки немцев, которое, как ни парадоксально, он объяснял желанием предотвратить «эксцессы»²¹. Со своей стороны, «патриотичные» рабочие принялись составлять списки лиц, подлежащих увольнению (естественно, включая в них не только немцев)²².

Начало погрому положил «бабий бунт» 26 мая. Среди женщин, лишившихся возможности подрабатывать в Комитете великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры императрицы), распространился слух, что заказы переданы австрийской фирме «Мандль»²³. Начались демонстрации, полиция не рискнула разгонять буянов, действующих под прикрытием патриотических плакатов, портретов императора и государственных флагов. К тому же полицейские знали, как их ненавидят за освобождение от мобилизации в армию.

Беспорядки разрослись под влиянием рабочих фабрики Гюбнера, требовавших удалить с предприятий «немцев-эльзасцев». После разгрома фабрики Р. Шредера и зверского убийства четырех «немок» вечером 27 мая ситуация вышла из-под контроля. 28 мая московский градоначальник А. А. Адрианов предложил рабочим составить перечень всех служащих-немцев²⁴, что под-

¹⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 47.

¹⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 319.

¹⁹ Орешников А. В. Дневник. 1915–1933. Кн. 1. М., 2010. С. 30.

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ См.: Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 556–559, 561.

²² Гагагова Л. С. «Хроника бесчинств». Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Россия и Германия в XX веке. М., 2010. Т. 1. С. 855.

²³ Рябиченко С. Погромы 1915 года. Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2002. С. 7.

²⁴ Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 339–340.

лило масла в огонь. В тот же день была разгромлена аптека Ферейна на Никольской улице, из ее подвалов извлекли 5 пудов спирта и распили его. Затем демонстранты собрались на Красной площади, требуя отречения императора, пострижения императрицы в монахини и передачи престола великому князю Николаю Николаевичу²⁵. После разгрома водочной фабрики Шустера погромщики разъярились еще больше²⁶. На Мясницкой улице толпа совершала обход магазинов, руководствуясь имеющимися «путеводителями». Магазины православных и евреев не трогали. Но скоро «идейные» установки были нарушены. За два часа было разгромлено 8 «неприятельских» магазинов и 7 контор; заодно — русский и французский магазины.

Полиция поначалу не вмешивалась. Затем она всё же стала теснить погромщиков. Ненависть толпы тут же обернулась против нее²⁷.

В результате погрома пострадало куда больше россиян с «немецкими» фамилиями, чем германских и австрийских подданных. Досталось и некоторым «настоящим» русским²⁸.

В литературе до сих пор продолжают споры: был ли погром стихийным или его организовали власти. Современникам ситуация казалась предельно простой. «Как я и ожидал, немцы стали наступать, а в ответ в Москве устроили погром»²⁹, — писал из Лондона эмигрант доктор Е. Я. Столкинд. В советской литературе организованность погромов властями также не вызывала сомнений. Западные исследователи, напротив, были склонны считать их стихийными. У Л. Тихомирова, наблюдавшего 28 мая за событиями на Никольской, не создалось впечатления организованности демонстрантов властями, но, пообщавшись со знакомыми, он изменил мнение³⁰. Протоиерей И. И. Восторгов, имевший репутацию черносотенца, полагал, что «большинство шло на явно заведомый грабёж и только единицы шли “из патриотизма” или как элемент, подающийся при всяком поводе внушению»³¹. Некоторым хотелось представить дело иначе³². Весьма «оригинальное» представление о виновниках случившего содержалось в письме из действующей армии. «Наверно, все это дело рук наших революционеров-жидов, действовавших на немецкие деньги..., — возмущался один служащий госпиталя. — Неужели и теперь, после того, как жида

²⁵ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 86.

²⁶ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 55.

²⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 564.

²⁸ См.: Жилкин И. Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9; Кузьмин-Караваев В. Рапорт сенатора Крашенинникова о майских беспорядках в Москве. Бездействие власти или заведомое попустительство // Вестник Европы. 1916. № 2.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 13.

³⁰ См.: Дневник Л.А. Тихомирова. С. 64–66.

³¹ Восторгов И.И. Воспоминания о Февральской революции в Москве // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 51. М., 2000. С. 314.

³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 45.

показали себя злейшими врагами нашими, они останутся руководителями и вдохновителями нашей так называемой интеллигенции. Черт знает что!»³³

В кризисные времена люди становятся не только мнительными, но и внушаемыми. Однако изнутри погром смотрелся совсем не так, как хотелось бы его реальным и мнимым «организаторам», а равно и «проницательным» аналитикам. Один из погромщиков писал своему другу в действующую армию: «28 мая здесь был разгром немецких магазинов. Вот когда обогатилась и оделась нищета... Многие возили прямо на извозчиках. Мы с Петушком пошли на Ильинку к Вильборну; напились в лоскутики; много принесли домой, а также продали рублей на 25. Мы большей частью пили и тащили коньячок. Пришли с ним в семь часов утра вдрызг; костюмы порвали и оба без шапок. Немного отдохнули, похмелились и пошли к Роберту Кенцу; тут мы натаскали много вещей, но у нас всё отобрали, так как после семи часов утра вышел приказ задерживать и арестовывать, кто тащит награбленное. Арестованных очень много, много раненых и мертвых, прямо напивались до смерти, а некоторые просто захлебнулись в бочке... Как никогда была пьяна почти вся Москва»³⁴. Разумеется, в этом рассказе не обошлось без типичных преувеличений и хулиганской бравады. Тем не менее, «патриотических» эмоций не заметно.

Представители интеллигенции воспользовались случаем противопоставить себя людям «темным». Ученый-физик утверждал: «Первоначально антинемецкая демонстрация, несомненно, была организована полицией, но потом толпа так расходилась, что “патриотическая” демонстрация превратилась в дикий грабеж». (Но, как видно, не случайно был разграблен и магазин обувной фирмы «Скорород» — обувь стала дефицитом). В погроме участвовала и молодая прачка Лиза, заявившаяся «только на другое утро с целым запасом “трофейных” вещей и продуктов». Естественно, хозяин-интеллигент ее отчитал, зачитав приказ градоначальника о прекращении безобразий³⁵. Одни стремились «погулять вдоволь», другим хотелось «пристойного» насилия.

Некоторая часть русского населения симпатизировала жертвам погрома. «В результате беспорядков в Москве пострадали русские с немецкими фамилиями. Среди них Елена Ивановна Браун, ее фабрику сожгли, а она присылала нам к празднику массу подарков, — писал солдат из действующей армии редактору “Русского слова” в Москву. — Ее предприятие, без сомнения, приносило пользу»³⁶. Но в целом *реальные* немцы никого не интересовали. Нужен был подходящий для тех или иных целей *образ врага*.

Примечательна позиция одного тамбовского жителя. Он полагал, что погром был направлен «против засилья немцев и покровительствующих им правых» и предлагал «закрыть “Колокол” и “Знамя”», а заодно «устранить с госу-

³³ Там же. Л. 68.

³⁴ Там же. Л. 100.

³⁵ Зёрнов В.Д. Указ. соч. С. 210–211.

³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 100 об.

дарственной службы всех лиц, принадлежащих к преступным правым партиям, которые... защищают свой толстый карман и немецкие порядки». Ему казалось естественным «тряхнуть за неимением немцев» местных толстосумов и спекулянтов, подмявших под себя органы самоуправления³⁷.

В народе возникло представление о «справедливом» погроме. «...Князь Юсупов нехорошо поступил, — говорила женщина, пострадавшая от пожара, — он должен был закрыть магазины, а немцев выслать. Может, тогда бы и товар не пропал, и никто и не пострадал...» Сходным образом отзывался некий извозчик: «Если бы у нас были русские правители, то немцев бы выслали, а товар заарестовали, а вместо этого начальство сделало погром»³⁸. Получалось, что «хорошему» начальству в период лихолетья следовало аккуратно изымать и справедливо распределять добро «дурных» людей — не обязательно «немцев».

***

Пресса стимулировала рост недовольства. Петроградский городской голова отмечал, что «маленькие вечерние листки, попадающие в руки простонародья, <...> гораздо опаснее больших газет, имеющих своих постоянных читателей». Неудивительно, что по столице прокатились слухи о повторении здесь московских событий 1 июня³⁹. Любые беспорядки становились ожидаемыми. В начале сентября 1915 г. в частной переписке правых московских деятелей можно было встретить упоминания о «неврозе городского населения, основанном на революционизирующем влиянии дороговизны»⁴⁰.

Ситуация усугублялась «возвращением» пьянства — мораль была бессильна против обычая. Происходила неуклонная деморализация городской среды. В Москве жаловались на разгул хулиганства, тайной продажи вина, взяточничества полиции, спекуляции⁴¹. Так было повсеместно.

«Сухой закон» обходили изобретательно. В 1916 г. в Архангельской губернии владельцы пивных заводов выпускали под видом «безалкогольных напитков» бражку⁴². В Вологодской губернии сообщали, что здесь «усиленно варят пиво и брагу, пьянствуют, и благодаря этому начались убийства и грабежи». В Котласе дело дошло до того, что «едят дрожжи и запивают водой»⁴³. Из Самары в конце 1915 г. сообщали, что «усиленно развивается тайное винокурение (кумышка)», появились «особые инструктора, обучающие кумышковарению»⁴⁴.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 23 — 23 об.

³⁸ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 69.

³⁹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 640.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1410.

⁴¹ См.: Московский архив. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000. С. 127–129, 131–133.

⁴² Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 90.

⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1176.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 87.

Из Московской губернии писали, что призывники «открыто (в чайных) пьют спирт не денатурированный»⁴⁵.

14 сентября 1915 г. в Москве произошло по-своему символичное событие. На Страстной площади городской по просьбе кондуктора вывел из трамвая пьяного раненого солдата. Началась драка, в которой городской «оторвал солдату рукав и Георгия», после чего возмущенная толпа принялась избивать городского, а затем еще двоих полицейских, пришедших к нему на помощь. Стражи порядка отступили на трамвайную станцию, толпа осадила ее. Прибывший отряд конной полиции и жандармов вынужден был ретироваться под градом камней. После этого началась стрельба, говорили, что «около 16 чел. убили, а 40 ранили, в том числе несколько солдат»⁴⁶.

Появилась и другая версия: «Солдат, георгиевский кавалер, подошел к городскому и заявил ему: “Что ты тут стоишь, тебя бы на войну послать”. Городовой якобы сорвал у него крест с груди... Явились наряды жандармов, открыли стрельбу по толпе, стали хлестать нагайками, рубить шашками... Среди гуляющей публики было много офицеров, <...> некоторые из них защищались, а так как у них были шашки и револьверы, то пострадали жандармы. Один военный врач наклонился над дамой, упавшей от испуга в обморок, подбегает жандарм и зарубает этого врача насмерть». Похоже, эта версия нравилась больше. Иной раз ее пересказывали так: «Шла группа георгиевских кавалеров мимо городского. Один из “кавалеров” отпустил по адресу городского несколько нелестных для полиции замечаний. Городовой бросился на солдата и сорвал с него орден. Поблизости оказался прапорщик, который выступил на защиту чести солдата. Городовой стал стрелять... собравшаяся толпа обезоружила его... Говорят, один из городских был растерзан на куски...»⁴⁷ Сведения о жертвах, скорее всего, преувеличены — по другим данным, был убит лишь один студент.

Примечательно, что особенно усердно опровергалось официальное сообщение о том, что солдат был пьян. Городовой якобы «разбередил его раненую руку, из раны пошла кровь, публика возмутилась», в ответ «было дано много залпов жандармами в публику, офицеров и запасных солдат»⁴⁸. Говорили также, что рабочие и студенты соорудили баррикады, камнями было ранено 25 полицейских⁴⁹. Диффузное массовое недовольство на глазах принимало конкретную направленность...

Неудивительно, что вслед за тем студенты провели трехдневную забастовку, начались стачки на ряде московских предприятий, на две недели прекратил работу трамвай⁵⁰. «Нервное настроение, тревоги, связанные с войной, науськи-

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1420.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 41 — 41 об.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1444–1445.

⁴⁸ Там же. Л. 1457.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 62 об.

⁵⁰ *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С. 65, 69.

вания либеральной печати, дороговизна, недостаток то того, то другого... всё это создает такое напряженное состояние, которое ежеминутно готово разразиться вспышкой», — так объяснял произошедшее историк М. М. Богословский⁵¹. С. М. Мельгунов отмечал, что толпы стали собираться по любому поводу, всякий раз обнаруживая громадный запас недовольства и агрессивности⁵².

Правые были напуганы. «Посмотрите, какие похороны революционная интеллигенция инсценировала студенту, убитому в Москве при рассеивании толпы, побившей полицию за задержание пьяного солдата...» — писал 22 сентября 1915 г. Н. А. Маклаков Н. Ф. Бурдукову в Петроград. Ему казалось, что «всё было налажено, как на похоронах Баумана в 1905 г.»⁵³. Обвинения в адрес левых вряд ли были оправданы. К этому времени полицейские власти уже переусердствовали по части высылки и арестов студентов и рабочих в «профилактических» целях.

На протяжении военных лет городские бунты и рабочее движение проявляли себя достаточно изолированно, что, разумеется, не исключало взаимной контагиозности. С начала октября 1916 г. в столице стали распространяться слухи о чрезвычайных происшествиях (обрушениях зданий, взрывах, повлекших многочисленные жертвы) в Москве, Харькове и других городах. При этом в Москве говорили о революции в Харькове, в Харькове — о революции в Москве и т.п. Налицо был эмоциональный «перегрев» всей городской среды. Начиная с декабря 1916 г. некоторым политикам и официальным лицам уже казалось, что они находятся на вулкане в ожидании взрыва⁵⁴.

***

Разумеется, главным источником недовольства городского населения были продовольственные трудности.

С октября 1915 г. значительная часть городов России испытывала нужду в хлебе и других продуктах. В конце 1915 г. в столицах появились пресловутые «хвосты». Разумеется, так было не везде, периодически ситуация улучшалась, но в целом нехватка продуктов повсеместно обострилась осенью 1916 г. В октябре стали исчезать из свободной продажи ржаная мука, подсолнечное масло, свиное сало, мясо, сахар, мыло, ситец-китайка, кожа. В декабре 1916 г. в ряде мест были перебои с хлебом⁵⁵.

В целом цены на предметы первой необходимости выросли за годы войны в 3–7 раз. Особенно страдали слои с фиксированной зарплатой, служащие.

⁵¹ Богословский М.М. Указ. соч. С. 78.

⁵² Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып. 1. С. 200.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1482 об.

⁵⁴ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1683; Д. 1068. Л. 22; Д. 1070. Л. 33; Д. 1071. Л. 12.

⁵⁵ См.: Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М., 2011. С. 61, 67–68, 71, 73, 76; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 905, 955; Д. 1061. Л. 1194; Д. 1063. Л. 1304, 1306, 1325, 1380; Д. 1064. Л. 1489; Д. 1065. Л. 1537, 1559; Д. 1066. Л. 1604, 1616, 1624, 1694, 1709; Д. 1067. Л. 1746, 1784, 1788.

Местная администрация была не в состоянии сгладить ситуацию. Дороговизна становилась мощным фактором радикализации антиправительственных настроений, порождая всё новые волнения и забастовки⁵⁶.

Особенно страдали города «потребляющих» губерний. Из 13 городов Тверской губернии 11 ощущали нехватку хлебных продуктов, а также сена и овса, затем сахара. В июне 1915 г. в Твери ожидали «бунта против дороговизны» и еврейского погрома⁵⁷. В январе 1916 г. полиция сообщала, что в столице «волна погромного настроения достигла своего апогея перед Рождеством», заговорили о «необходимости устроить погром лавок, который обратил бы внимание администрации на различные злоупотребления...». Слухи, по мнению полиции, сложились в голове обывателя в «цельную и стройную теорию»: если продуктов не хватает, цены растут, то «это делается немцами, чтобы вызвать беспорядки внутри России». Подобные представления варьировались: для правого и консервативного обывателя главные виновники — подкупленные немцами евреи; для либерального — Министерство путей сообщения; для октябристов — «банки с интернациональными акционерами»⁵⁸. В начале февраля 1916 г. М. Богословский, комментируя слух о том, что приостановка пассажирского сообщения Москва–Петроград вызвана вовсе не необходимостью экстренной доставки в столицу продуктов, а «вывозом из Петрограда разных ценностей, т.е. эвакуацией Петрограда», задавался вопросом: «Кто фабрикует такие гнойные, гнилые известия? <...> Они ползут и все-таки свое дело делают, уныние распространяют»⁵⁹.

Агрессивные эксцессы возникали по любому поводу. 17 августа 1915 г. в Петрограде возникли волнения из-за отказа в размене банкнот на мелкую монету. Поползли слухи о виновности евреев⁶⁰ (на деле имело место упущение министерства финансов)⁶¹. Продовольственный погром произошел в сентябре 1915 г. в Астрахани. Сообщали, что он был произведен «детьми до 14 лет, женщинами под руководством 8–10 хулиганов, несколько раз в течение дня арестовываемых и немедленно выпускаемых»⁶². В мае 1916 г. в Красноярске произошел погром на почве дороговизны. Было разгромлено 52 лавки, из них более половины — еврейских. Погром связывали с антисемитским настроением властей. Беспорядки также произошли в Иркутске⁶³.

⁵⁶ См.: *Gatrell P.* Russia's First World War: Social and Economic History. London, 2005. P. 44; *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия. 2007. № 5/3 (55). С. 194–201.

⁵⁷ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 53.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1 а. Д. 29. Л. 45 — 46 об.

⁵⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 142.

⁶⁰ См.: *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 665; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 37. Л. 9 об. — 10.

⁶¹ *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1917. С. 105.

⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1424.

⁶³ *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. С. 110.

В сентябре 1915 г. в Болхове Орловской губернии по случаю очередного призыва в армию толпа побила стекла и двери в булочной германского подданного Г. Тецлова. На следующий день двухтысячная толпа разнесла булочную, затем магазин Шестакова. Расхищением обуви занялись по преимуществу женщины; мужчины предпочли казенную лавку с денатурированным спиртом. Толпа требовала «Долой немца!», а на появление вооруженного наряда отреагировала криками «Долой полицию!». Полицейские начали стрельбу в воздух, шальной пулей был убит местный обыватель. Расследование установило, что среди погромщиков были местные мещане, выздоравливающие солдаты, наконец мобилизованные. Последние соглашались отправиться на фронт только вслед за пристроившимися на местных заводах купеческими сыновьями. Перед судом предстали 10 мещан, 3 крестьянина, 1 старший унтер-офицер и 1 солдат — все православные. Семеро из них получили от 2 до 8 месяцев тюрьмы⁶⁴. Нечто подобное произошло в Мценске. Здесь 11 сентября возникло волнение среди ратников 2-го разряда. После принятия присяги они потребовали отправить полицию на фронт. Городовые и стражники были избиты; пострадал также «полицейский надзиратель, перед тем не раз отнимавший гармонию у гулявших по городу ратников»⁶⁵.

Социально стрессовые ситуации провоцируют своего рода эпидемии пессимистических преувеличений. Слабость патерналистской власти вызывает чувство незащитности. Недостаток гражданской солидарности порождает гипертрофированные представления об особой сплоченности всевозможных меньшинств. Отсюда слухи о том, что даже полиция подкуплена евреями⁶⁶. Из Казанского ГЖУ сообщали, что в связи с наплывом в университет учащихся из эвакуированных вузов «произошел раскол: одни студенты за евреев, другие — против»⁶⁷. В декабре 1916 г. в Киеве студенты, «готовящиеся в школе прапорщиков, заявили, что не желают посещать школу, если евреям не дадут равноправия»⁶⁸. Антисемитизм и германофобия постепенно оборачивались против правящей династии⁶⁹.

Противостояние власти и общественности нарастало. В начале июля 1916 г. начались погромы торговцев (инициированные солдатками) в Таганроге и окрестностях Ростова. По официальной информации, здесь особенно отличился генерал-майор Комиссаров, который «сумел предотвратить несчастье и внес полное спокойствие», а также «сорвал несколько забастовок». Однако

⁶⁴ Булдаков В.П. Красная смута. С. 54.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1434.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 60. Л. 13 — 13 об., 25.

⁶⁷ Семенова Е.Ю. Указ. соч. С. 47.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1640.

⁶⁹ См.: Булдаков В.П. 1) Красная смута. С. 111, 113, 115, 117–118; 2) Хаос и этнос. С. 116, 152–153; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 134, 141, 211, 221–222, 231–232, 234–235, 289–313.

у общественности был свой взгляд на действия властей. Под ее давлением Комиссаров был отправлен в отставку. Однако министр внутренних дел А. Д. Протопопов ходатайствовал, чтобы он помимо пенсии в 3000 р. был вознагражден за «отлично-усердную и полезную служебную деятельность» дополнительной выплатой общей суммой до 10 000 руб. в год⁷⁰. Такие действия еще больше раздражали общественность.

В бунтарские действия всё больше втягивались женщины, особенно так называемые солдатки⁷¹. Наиболее характерный пример — события в Богородске, начавшиеся 1 октября 1915 г. с «сахарного» бунта и завершившиеся массовыми погромами и серией забастовок, в ходе усмирения которых погибло два человека⁷². Серия продовольственных бунтов последовала с ноября 1916 г. В Новониколаевске, по информации вице-губернатора, громили продовольственные лавки, кооперативы, при этом «много чинов полиции было ранено, были вызваны войска, стреляли, были убитые и раненые»⁷³. В Канске Енисейской губернии за подстрекательство к бунту семерых солдаток отправили в тюрьму на 90 суток⁷⁴. В Семипалатинске громили торговцев с 14:00 19 ноября до 23:00 следующего дня. Здесь солдатки потребовали увеличения пособия и 40%-ной скидки с существующих цен на мануфактурные изделия. Власти обещали рассмотреть вопрос о пособии, а с торговцами рекомендовали разбираться самим. Последовал погром, в результате которого, как утверждали, было уничтожено «80 % местной торговли». Отмечалось, что погром «совершался при полном попустительстве властей», «полиции не было видно», а солдаты «сами приняли деятельное участие в грабеже». Местная общественность была убеждена, что погром «кому-то был нужен для того, чтобы запугать общество, которое начало оживляться», а «провокация свила себе гнездо в обществе потребителей и в “Семипалатинском голосе”». Сообщали, что «арестованные погромщики вели себя вызывающе и говорили, что... погром только цветки, а ягодки будут впереди»⁷⁵.

Впрочем, вице-губернатор видел события несколько иначе: войска действительно отказались от участия в наведении порядка, пришлось их отвести «и перейти к самоохроне при посредстве самих обывателей»⁷⁶. По другой версии семипалатинский погром продолжался три дня, организовали его приезжие из Новониколаевска и других городов, которые неведомым образом

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 655. Л. 1 об. — 3 об., 5 об., 7, 12.

⁷¹ Baker M. Rampaging Soldatki, Covering Police, Bazaar Riots and Moral Economy: The Social Impact of the Great War in Kharkov Province // Canadian-American Slavic Studies. 2001. Vol. 35. No. 2–3. P. 137–156.

⁷² Эгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. № 1 (Т. 4). История. 2010. С. 148–149.

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1419.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1282.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1928.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1484.

скрылись. «Здесь действует какая-то темная сила свыше», — заключал автор письма⁷⁷. И так, виновниками погромов считались то ли «темные силы», то ли сама власть.

Бездействие властей, возможно, было неслучайным. В Павлодаре Семипалатинской области «был погром с убийствами», а затем «пошли погромы по селам». Автор сообщения предупреждал губернатора, «что в деревнях настроение тревожное, озлобление против торговцев настолько велико, что надо ожидать погромов». Тот ответил: «Пуускай грянут». То ли он действительно полагал, что «торговое дело по природе своей свободное, государство не должно в него вмешиваться», то ли считал, что стоит «выпустить пар», натравив одну часть общества на другую⁷⁸. А тем временем народ всё более отчуждался от власти.

***

Широкий спектр «мелких» агрессивных акций 1914–1916 гг. свидетельствовал о системном характере кризиса, поразившего Россию. «Эмоциональный перегрев» подозрительно взирающих друг на друга социумов обернулся революционной смутой. Это было закономерно.

Патерналистская система включает в себя своего рода садомазохистский компонент: власть вынуждена убеждать, что ее репрессивность происходит от великой любви к своим подданным. Но трудно надеяться, что этот фактор будет работать в экстремальных условиях, когда ожидаемое и реальность неуклонно расходятся. К тому же крах «военных надежд» особенно болезненно воспринимается социальной средой, лишенной должного самостоятельного потенциала. «Утопии войны» легко перерастали в утопии революционного нетерпения, поскольку мировой войне предшествовал демографический бум и соответствующее «омоложение населения».

Всякий авторитаризм, покоящийся скорее на вере, нежели на разуме и расчете, порождает не только социальную разобщенность и историческую беззаботность, но и повышенную эмоциональность. В связи с этим в угрожающих ситуациях так называемый коммуникативный разум редуцируется до своего рода коммуникативного инстинкта, в результате чего эмоциональная contagiозность перерастает во всеобщее недовольство «негодной» властью. Психоментальная архаика и молодежная агрессивность сплелись воедино. На этой волне и произошла Февральская революция, которая некоторым нынешним авторам кажется «крушением России», подготовленным бесчисленными «заговорщиками»⁷⁹.

На деле накануне Февраля современники жили с ощущением, что «нарыв созрел» и надо «дать выход накопившейся мерзости». Однако приходилось

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1691.

⁷⁸ Там же. Л. 1690.

⁷⁹ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.

констатировать, что Государственная Дума не желает этого⁸⁰, безнадежно надеясь на легитимную эволюцию власти. Возникла тупиковая ситуация. А потоку уплотняющаяся череда «спонтанных» городских бунтов 1914–1916 гг. рано или поздно должна была обернуться революционным взрывом.

References

Baker M. Rampaging Soldatki, Cowering Police, Bazaar Riots and Moral Economy: The Social Impact of the Great War in Kharkov Province // Canadian-American Slavic Studies. 2001. Vol. 35. No. 2–3. R. 137–156.

Belova I. B. Pervaâ mirovââ vojna i rossijskaâ provinciâ. 1914 – fevral' 1917 g. M.: AIRO-XXI, 2011.

Buldakov V. P. Haos i ètnos. Ètničeskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviâ vzniknoveniâ, hronika, kommentarij, analiz. M.: Novyj hronograf, 2010.

Buldakov V. P. Krasnaâ smuta. Priroda i posledstviâ revolúcionnogo nasiliâ. M.: ROSSPÈN, 2010.

Dënninghaus V. Nemcy v obšestvennoj žizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941). M.: ROSSPÈN, 2004.

Èngl B. Ne hlebom ediny: ženšiny i prodovol'stvennye besporâdki v Pervuû mirovuû vojnu // Vestnik Leningrad. gos. un-ta im. A. S. Puškina. № 1 (T. 4). Istorîâ. 2010. S. 148–178.

Gatagova L. S. “Hronika besčinstv”. Nemeckie pogromy v Moskve v 1915 g. // Rossiâ i Germaniâ v XX veke. M.: AIRO-XXI, 2010. T. 1. S. 851–872.

Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic History. London: Harlow, Pearson, 2005.

Golubinov Â. A. Prodovol'stvennyj vopros v rossijskoj provincii v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Samarskoj gubernii) // Vestnik Samarskogo gos. un-ta. Gumanitarnaâ seriâ. 2007. № 5/3 (55). S. 194–201.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (MA); London: Harvard univ. press, 2002.

Kir'ânov Ū. I. Social'no-političeskij protest rabočih v gody Pervoj mirovoj vojny (iûl' 1914 – fevral' 1917 gg.). M.: In-t Rossijskoj istorii RAN, 2005.

Kolonickij B. I. “Tragičeskaâ èrotika”. Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

Menickij I. A. Rabočee dviženie i social-demokratičeskoe podpol'e Moskvy v voennye gody (1914–1917). M.: Moskovskij rabočij, 1923.

Nikonov V. Krušenie Rossii. M.: AST: Astrel', 2011.

Poršneva O. S. “Nastroenie 1914 goda” v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii // Rossijskaâ istorîâ. 2010. № 2. S. 185–200.

Rossiâ i Velikaâ vojna. Opyt i perspektivy osmysleniâ roli Pervoj mirovoj vojny v Rossii i za rubežom. Materialy konferencii. Moskva, 8 dekabrá 2010 g. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 72.

Sanborn D. Besporâdki sredi prizyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoj nacji // Rossiâ i Pervaâ mirovaâ vojna. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1999. S. 202–215.

Spiridovič A.I. Velikaâ vojna i fevral'skaâ revolûciâ 1914–1917 gg. N'û-Jork: Vseslavânskoe izdatel'stvo, 1960. Kn. 1.

Trošina T.I. Velikaâ vojna... Zabytaâ vojna... Arhangel'sk v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.). Arhangel'sk: KIRA, 2008.

Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge univ. press, 2006.